

DOI: 10.31857/S0321039124040128

L. CANFORA. Catilina. Una rivoluzione mancata. Bari: Laterza, 2023. 408 p. ISBN: 978-88-581-5099-3

Монография Л. Канфоры была опубликована в марте 2023 г. и получила большой резонанс на родине автора. Выдающийся ученый неоднократно выступал с лекциями о Катилине для самой широкой аудитории¹. Книга заслуживает рассмотрения и с точки зрения методологии, и в связи со сделанными выводами; кроме того обращение к труду итальянского антиковеда позволяет критически взглянуть на состояние изученности проблемы.

От книги с названием «Катилина. Несостоявшаяся революция» читатель ожидает, что перед ним либо биография главного героя на широком историческом фоне, либо комплексный анализ событий 63–62 гг. до н.э.² Однако написанное Л. Канфорой не укладывается в привычные рамки. То, что автором рассматривается более широкий круг вопросов, чем политическая карьера Луция Сергия Катилины, явствует из структуры монографии, которая состоит из пролога («Тень Катилины»), четырех частей («Ставка на кону» (5 глав), «Факты» (14 глав), «Выборы 63 года» (11 глав), «De consulatu suo как источник» (7 глав)), эпилога («По пути к цезаризму») и трех приложений. Катилина, действительно, значительное время пребывает в образе тени, обуславливающей поступки других персонажей; он выходит на передний план только к 123-й странице, удерживая позиции примерно до 177-й и затем безвозвратно их теряя³. Отсутствует даже краткий *curriculum vitae* номинального протагониста (с такими вехами как участие в репрессиях конца 80-х годов до н.э., управление провинцией Африка, судебные процессы и т.д.).

¹ В частности во Дворце дождей в Генуе (15 мая 2023 г.), в Палаццо Венеция в Риме (18 мая 2023 г.), на Международном книжном салоне в Турине (21 мая 2023 г.). Некоторые из рецензий на монографию Л. Канфоры о Катилине см. на сайте издательства Латерца (URL: <https://www.laterza.it/scheda-libro/?isbn=9788858150993>, дата обращения: 27.11.2024).

² В силу вековой традиции и чтобы излишне не утяжелять текст, мы пользуемся термином «заговор», хотя он далеко не в полной мере отражает суть событий.

³ Из приблизительно 400 страниц монографии 87 посвящено переносу консульских выборов с подробнейшей историографией вопроса, 80 – сочинениям Цицерона, 35 – его действиям и последующим претензиям на ведущее положение в Республике, 26 – дебатам и интригам 3–5 декабря 63 г. до н.э., 25 – биографии Саллюстия. Глава «Пистойская война» (с. 194–207) представляет рассказ о сложении Цицероном консулата и источниковедческий анализ Sall. *Cat.* 59–61; на долю Катилины приходится в лучшем случае 3 страницы.

Было бы, однако, неверно признать подлинным героем книги события 63–62 гг. до н. э. Замысел автора заключался в том, чтобы, с одной стороны, реконструировать фактологию и проанализировать политическую составляющую кризиса, с другой – показать, как его изображали современники и как отдельные аспекты трактовались потомками. Поэтому главные действующие лица – люди, отразившие заговор в своих сочинениях (римляне и греки), а также те, кто впоследствии анализировал античную традицию (ученые Нового и новейшего времени).

В прологе делается попытка вписать Катилину в текущий контекст. Л. Канфора в одном абзаце прослеживает «безудержный бег к преодолению республиканской *libertas* и утверждению единоличной власти» (с. 11) – от возвращения Суллы до Первого триумvirата. Оправданнее было бы начать подробное повествование со смерти диктатора, подведя итог его политической деятельности и охарактеризовав преобразованные им государство и общество. Иначе сложно понять, за что идет политическая борьба, а также оценить встроенность Катилины в постсулланский истеблишмент. Л. Канфора больше сосредотачивается на последних событиях, считая, что политическое наследие 63 г. до н. э. заключается в нерешенности вопросов, на которые попытался дать ответ Луций Сергий, что в итоге привело к установлению монархии. Особое внимание здесь и в главе «К концу Республики» (с. 36–40) ученый уделяет фигуре Цезаря, который не только обвинялся в соучастии, но и схожим образом пытался решить долговую проблему. К сожалению, Л. Канфора ограничивается подбором цитат из трудов Саллюстия и Цицерона и поверхностным комментарием, из-за чего трудно понять его собственную точку зрения.

Глава, поэтично названная «Каменный гость», посвящена незримо присутствующему в Риме Помпею. Л. Канфора показывает, как помпеянцы под предлогом борьбы с Катилиной пытались добиться для своего вождя экстраординарных полномочий, чтобы привести к власти «естественного кандидата на “принципат”» (с. 20). Могущество Помпея и его противостояние с Крассом видятся основными причинами, обусловившими активность Катилины, где выделены два этапа: политический (до поражения на выборах 63 г. до н. э.) и военный.

Термин «заговор» применительно к событиям 63–62 гг. до н. э. итальянский ученый берет в кавычки как ошибочный (с. 34). Л. Канфора соглашается с Т. Моммзеном, что следует говорить о «долгом заговоре» с 67–66 гг. до н. э. (законы Габиния и Манилия) до возвращения Помпея. Инициатором был Красс, стремившийся заручиться одной вооруженной силой против другой⁴. По мнению автора монографии, нельзя провести четкую грань между *движением* и *заговором* Катилины, поскольку уже во время предвыборной кампании 63 г. до н. э. тот совмещал легальную агитацию и конспиративную деятельность.

Вторая часть книги почти в равных долях делит внимание между событиями 63–62 гг. до н. э. и повествующим о них Саллюстием. Л. Канфора настойчиво проводит мысль, что «О заговоре Катилины» представляет собой в большой степени автобиографическое произведение. Здесь нашел отражение юношеский

⁴ Далее утверждается, что, даже придя к власти законным путем, Катилина «почти наверняка» не сложил бы консулат в срок (с. 108).

опыт, личное знакомство с Катилиной и «катилинарским миром» (с. 61–63, 67, 69 и др.). Отсюда делается вывод, что историком приводится информация «о некоторых скрытых, более того, потаеннейших эпизодах заговора» (с. 62).

По мнению Л. Канфоры, целью первого сочинения Саллюстия было дать отпор недоброжелателям. Называя себя *adulescentulus*, он подчеркивал крайнюю молодость, выпавшую на период активности «великого искусителя юношества – Катилины» (с. 67; ср. с. 72). За образец повествования взято Седьмое письмо Платона (Pl. *Ep. VII*. 324b–d), чьим героем является благородный юноша, близкий по происхождению и по духу деятелям «лживой антиплутократической революции (*la fallace rivoluzione antiplutocratica*)» (с. 69), но в ней не участвовавший. Л. Канфора видит в Саллюстии «человека, который порвал со своим прошлым, <...> стремится низвергнуть своих идолов, отринуть свои убеждения <...>». Его охватывает безумие “срывать маски” с прошлого» (с. 106). Это служит отправной точкой для анализа «О заговоре Катилины».

Итальянский ученый считает, что Саллюстий мог быть одним из многих юношей, которые, не состоя в заговоре, поддерживали Катилину (как казненный отцом Авл Фульвий и Марк Целий) (с. 73–74, ср. с. 208). Подобное предположение, влекущее большие следствия, нуждается в убедительной аргументации. Л. Канфора апеллирует к «Инвективе против Саллюстия», а также выделяет в тексте «О заговоре Катилины» ряд автобиографических элементов (с. 64–65, 67, ср. с. 91). Это попытка оправдать молодых катилинарцев в торговле целомудрием, осведомленность о вербовке рабов через знатных женщин, о письме Манлия Марциу Рексу⁵, о расположении плебса к Катилине, об отсутствии кровавой клятвы. Другой аргумент – восхищение «моральной стойкостью (*tenuta morale*) катилинарцев» (с. 67–68), не предавших вождя за награду. Также «не случайно он (Саллюстий. – Н. Б.) воздает воинские почести “идолу” своей юности (*al suo “idolo” di gioventù*) – на последней странице, где описывает поле битвы под Писторией» (с. 67–68, ср. с. 208).

Эта концепция выглядит очень спорной. Пассажи личного характера не являются смысловой доминантой большого труда⁶; странен статус хорошо осведомленного свидетеля, но не участника («один из *complures extra coniurationem*, но связанных с этим миром») (с. 78). Если человек знает вышеперечисленные подробности, он, безусловно, принадлежит к узкому кругу riskующих головой и связанных круговой порукой. Довод, что хорошее знание описываемых реалий обязательно подразумевает участие в заговоре, малоубедителен. Л. Канфора недооценивает вовлеченность Саллюстия в события, уходящие корнями в более раннее время («наследие 63 г. до н. э.»). Плебейский трибун 52 г. до н. э. имел широкий круг общения, многое мог узнать из разговоров или прочитать. Он писал после многочисленных речей и автобиографических трудов

⁵ Здесь и на с. 128 Л. Канфора допускает неточность: *mandata Manliana* (Sall. *Cat.* 33) являлись словесными поручениями. Об этом свидетельствует лексика Саллюстия, что хорошо показано К.Ф. Вильямс (Williams 2000).

⁶ Даже если тактика – изобразить *всеобщую* испорченность, структура повествования вытесняет *самозащиту* далеко на задний план. Предпочтительнее было бы прибегнуть к другому литературному жанру.

Цицерона, апологии Катона⁷, разнообразных памфлетов, беседовал с Крассом, Цезарем, другими осведомленными современниками, использовал официальные документы и слухи. В распоряжении Саллюстия были превосходный материал и собственный политический опыт. Подчеркивание достоинств Катилины, как и в случае с «За Целия» (*Cic. Cael.* 12–13), не есть дань признательности или попытка объективного суждения: таланты Луция Сергия делают восстание особо опасным для Республики⁸. Красочность описания не является доказательством получения информации из первых рук. Л. Канфора считает, что Саллюстий хорошо знал доносчиков — Фульвию и Курия (это следует из яркого портрета мужчины и из интимных подробностей, известных только женщине) (с. 111). Отсюда вывод: «кажется ясным (*sembra chiaro*)», что об этой «романтической» версии историк взял сведения (непосредственно?) от Фульвии (с. 113)⁹. Однако Саллюстий так же красочно описывает эмоции нумидийца Бокха в пустом шатре (*Sall. Jug.* 113. 3); топос о спасении благодаря выдаче тайны жене или любовнице не уникален (*Liv. XXXIX.* 9–13; ср. *Tac. Ann.* XV. 54. 6; *Const. De adm. Imp.* 196^P–207^P; *Liv. XXVII.* 15. 9–12)¹⁰. Тезис о планах государственного переворота уже в 64 г. до н. э. вызывает большие вопросы.

В главе «Катилинарский мир» Л. Канфора очерчивает круг сторонников Катилины, оставляя за его пределами аристократические верхи. Правильно отмечается, что в 63 г. до н. э. имело место движение, которое опиралось на отличный плебс и поддерживалось жителями Италии (с. 79). Важным аргументом служат слова античных авторов о возможном освобождении арестованных (с. 87–88, 167, 177, 364). Соглашаясь с тем, что *omnino cuncta plebes* (*Sall. Cat.* 37) долго находился на стороне Катилины, укажем, что внимательный анализ источников свидетельствует об отсутствии подобных опасных попыток¹¹. Гигантским недоиспользованным потенциалом обладает территориальный аспект движения. Л. Канфора пишет только, что участники-рабы происходили из разных частей Италии (Пизена, Апулии, Кампании и др.) (с. 89), не рассматривая ситуацию с каждым регионом и причины симпатии *свободного* населения.

Героиней главы «Семпрония и “раскаявшийся”» является мать Д. Юния Брута Альбина, чей блистательный портрет дан в *Cat.* 25. 1–5. Л. Канфора полагает, что она упомянута по единственной причине: женщина носила знаковое имя, в ее жилах текла кровь Гая Гракха (с. 97)¹². Семпрония — символ движения, связующее с великим прошлым звено; поэтому Саллюстий говорит о ней как о равной Катилине фигуре. Возможно, печально известному экс-сулланцу не доставало харизмы, чтобы привлечь простонародье, и дочь Гракха обеспечила ему желанную

⁷ Л. Канфора признает влияние на Саллюстия традиции, изображающей Катона главным героем декабрьских нон 63 г. до н. э. (с. 379; ср. с. 370, 373, 376).

⁸ Подробный разбор портрета Катилины у Саллюстия см. в Wilkins 1994.

⁹ Пассаж Валерия Максима о непотребствах 52 г. до н. э. (*Val. Max.* IX. 1. 8), по мнению итальянского ученого, подтверждает знакомство Саллюстия и Фульвии.

¹⁰ О роли женщин, участниц заговора, в повествовании римских историков см. Pagán 2004, 128; ср. с. 41–46 о Фульвии.

¹¹ Bugaeva 2006.

¹² На стр. 101–102 идет полемика с Э. Чачери, доказывающим, что Семпрония не была дочерью Г. Гракха. Историографию вопроса см. в Cadoux 1980.

поддержку (с. 104–105). В главе «Засада» Л. Канфора возводит хорошую информированность Саллюстия обо всех этапах переговоров с аллоброгами к Семпронии (с. 160). Критикуя концепцию Эд. Шварца, что пассаж *Cat.* 25. 1–5 метил в предателя Д. Юния Брута (с. 97–99), итальянский ученый указывает, что вредно «примешивать к просопографическим исследованиям псевдоконцепты» (с. 97–98). Логике Шварца противопоставляется интуиция, но гипотеза Л. Канфоры имеет уязвимые места. Не следует переоценивать то, что портрет Семпронии – один из самых ярких и детальных; если о Лентуле и Цетеге сказано меньше, чем о болтуне Курии, значит ли это, что роль последнего особенно велика? В полный рост встает проблема самостоятельного участия женщины в политике как актора и бенефициара; в любом случае сомнительно, чтобы Семпрония публично агитировала плебс за Катилину. Эпизод с рабами и матронами вымышлен (как, похоже, и переговоры в доме Д. Брута-старшего)¹³.

Л. Канфора пытается найти в источниках следы избирательной программы Катилины, которая не представляла тайны и «напоминала любую другую программу популярской ориентации, уделяя особое внимание <...> долговому вопросу» (с. 124). Анализируются скудные фрагменты литературного наследия заговорщика. Особо отмечается присутствие в письме Лутацию Катулу «очень четко сформулированной политической программы: “я по своему обыкновению официально взял на себя защиту несчастных людей (*publicam miseriorum causam pro mea consuetudine suscepi*)” (*Cat.* 35. 3)» (с. 125). *Miser/miseri* и синоним *calamitosus* несколько раз встречаются в лексике Луция Сергия и Манлия. Таким образом Катилина предложил новый тип выборной программы – гораздо более действенный, чем обычные призывы популяров «вернуть свободу» (с. 126).

Далее рассматривается являющийся ключевым (с. 150) эпизод покушения на консула. Л. Канфора анализирует рассказ Плутарха о принесенных Цицерону анонимных письмах, делая вывод, что имела место проведенная Крассом операция с «апологетической целью (*il fine apologetico*)» (с. 136). Она могла иметь своей целью окончательно порвать с Катилиной, но допустим и другой вариант: если (*sic!*) Луций Сергий планировал резню оптиматов, он по дружбе отправил письмо-предупреждение. Красс сфабриковал остальные, чтобы при свидетелях вручить Цицерону, «отрекаясь» от вышедшего из-под контроля движения. Л. Канфора указывает на выгоду, извлеченную консулом из «“провалившегося” или сорванного (или не совершенного) покушения» (с. 150). Он приводит существовавшее в античности мнение о целенаправленной драматизации обстановки, отсутствии заговора или его возникновении в качестве реакции на консулат Цицерона (с. 151). Ученый не выразил здесь свою точку зрения, однако в третьей части монографии исходит из того, что М. Туллий добивался немедленной физической ликвидации врага и у заговорщика «возникло намерение отплатить консулу той же монетой: неудавшееся покушение в ночь с 6 на 7 ноября может выглядеть как ответ на попытку Цицерона устранить Катилину с римской политической сцены» (с. 279). По нашему мнению, плодотворнее рассмотреть эпизод

¹³ Bugaeva 2005.

¹⁴ Перевод В.О. Горенштейна.

в ином ракурсе. *Cui prodest* ведет к «лучшему консулу»¹⁵, чьим излюбленным методом политической борьбы являлась провокация. Подбрасывание писем должно было создать для Красса «момент истины», посеять недоверие между Катилиной и его союзником, дополнительно наэлектризовать обстановку перед выборами. Едва ли можно говорить о реальной попытке покушения; она такой же фантом, как план убить Цицерона на комициях 63 г. до н. э. (*Cic. Mur.* 52).

В главе «Ликвидировать Красса, скомпрометировать Цезаря» Л. Канфора проводит мысль, что, организовав донос Тарквиния, Цицерон пытался устранить опасного кандидата в *principes*. Другими претендентами являлись Лентул и сам М. Туллий. Консул решил «спасти» Цезаря, сочтя, что обвинение популярного политика в сложно доказуемом соучастии ставит под удар основной замысел — осуждение неопровержимо уличенных заговорщиков (с. 175, ср. с. 345–346). Тем более, что Цицерон потерпел неудачу с доносом на Красса, а частное обвинение Катуга было представлено неприемлемым образом.

Автор монографии сопоставляет две традиции повествования о драматическом заседании сената 5 декабря 63 г. до н. э.: с одной стороны, версию Брута, Саллюстия и Мунация Руфа, с другой стороны, — Цицерона. Затрагивается вопрос о законности казни, на который, по мнению Л. Канфоры, нет единственно правильного ответа (с. 191). Ученый анализирует формулировку сентенции Катона (*Sall. Cat.* 52. 36), подчеркивая, что тот называл преступников «гражданами (*cives*)». Допускается, что в официальные документы Цицерон занес определение «враги (*hostes*)» (с. 188–189). Более подробно этот аспект Л. Канфора рассматривает в четвертой части монографии, в связи с выдвинутым Клодием обвинением в фальсификации. Он считает, что технически у консула была подобная возможность; также приводится *argumentum ad personam* (*App. BC.* III. 251–252)¹⁶. Если Клодий прав (при оговорке, что «в любом случае сомнение остается» (с. 364)), Цицерон приказал вместо *scelerati cives* написать *hostes iudicati*. Как бы то ни было, вывод делается очень жесткий: «бредовое ощущение всемогущества (*delirio di onnipotenza*)» и страх перед попыткой освободить катилинарцев обусловили искажение текста *senatus consultum*, нанесение Республике смертельного удара с признаками «едва ли не государственного переворота (*che almeno in parte assumeva i contorni di quasi colpo di Stato*)» (с. 364). Это заключение требует корректировки. Сентенция Катона предусматривала смертную казнь, она прозвучала после заверений Цицерона в готовности немедленно организовать экзекуцию. Голосующие 5 декабря 63 г. до н. э. сенаторы понимали, что, приняв решение о высшей мере, надлежит действовать безотлагательно. «Едва ли не государственный переворот» — излишне резкая формулировка; правильнее говорить, что Цицерон сделал все, чтобы сенат осудил катилинарцев, деля с последним ответственность за нарушение законов.

¹⁵ Потенциальную возможность этого признает автор монографии (с. 138).

¹⁶ О фальсификации Цицероном *senatus consulta* см. Gabba 1961, 92–93; Moreau 1987; Fezzi 2010. Мы допускаем, что ради сведения личных счетов Клодий сосредоточил атаку на «консуле-волюнтаристе», приписав ему подделку документов и не конфликтуя напрямую с сенатом. В любом случае требует решения вопрос о стенограмме заседания (*Cic. Sull.* 40–43; ср. *Plut. Cat. Min.* 23) и о свидетельских показаниях того же Катона.

В главе «Пистойская война» Л. Канфора справедливо отмечает, что судьба Республики решилась в январе 62 г. до н.э.¹⁷ Главный вопрос, который интересует автора монографии: как Саллюстий узнал подробности последней битвы Катилины? Центральная фигура повествования — М. Петрей; древнеримский историк пишет о нем «с почти ностальгическим восхищением», так как, предположительно, служил впоследствии под его началом (с. 199). Рассказ восходит к свидетельству очевидца, который наблюдал весь ход боя и присутствовал на послебательном поле. Л. Канфора оспаривает гипотезу Р. Дж. Льюиса¹⁸ о Сергии — вольноотпущеннике из Амитерна как информаторе Саллюстия. Действительно, сражение показано «с высоты птичьего полета», не глазами рядового бойца в гуще схватки; гораздо больше возможности почерпнуть сведения предоставлял лагерь победителей. Должен был выпячивать свои заслуги (в том числе на судебном процессе 60 г. до н.э.) Г. Антоний; славной битвой имели право гордиться фактический главнокомандующий, а также подзащитный Цицерона П. Сестий. Но нет никакой информации, позволяющей предполагать в Саллюстии соратника Петрея; да и дружеские штрихи в портрете неочевидны (Sall. Cat. 59. 6; ср. 59. 5; 60. 1; 60. 5). Скорее в нескольких фразах выведен типаж — храбрый и опытный командир старой закалки (вроде «хвата-полковника» из стихотворения Лермонтова).

Третья часть носит название «Выборы 63 года»; жанр ее можно понять из констатации, что «история исследований (storia degli studi) является непопулярной дисциплиной» (с. 320). В большей степени Л. Канфора рассматривает историографию конкретного вопроса — времени выборов консулов на 62 г. до н.э., что обусловлено, в том числе, полуторавековым периодом горячих споров. Данный раздел написан убедительно и очень увлекательно, насыщен ссылками на научную литературу. Интересной особенностью является обращение к многократным переизданиям классических и не только трудов, благодаря чему прослеживается ход исторической мысли. Гипотезы показаны в сложном взаимодействии друг с другом: борьба, временное примирение, переход на чужую сторону, всплеск популярности, период скептицизма. «Выборы 63 года» — самая эмоциональная часть, несвободная от резких, но, как правило, заслуженных упреков.

Л. Канфора показывает смену концепций как закономерный ответ на доминирование предшествующих: идею К. Йона о выборах в июле 63 г. до н.э. он называет «реакцией гимназической “касты” против “антицицеронианства” двух великих “академических” историков» (с. 222)¹⁹. Рассматривается эволюция взглядов Т. Моммзена, так называемый «средний путь» Л. Ланге²⁰, судьба его гипотезы и концепции К. Йона. Этот раздел монографии имеет большое методологическое значение, здесь Л. Канфора ратует за безукоризненное соблюдение предъявляемых к историческому исследованию требований. Его точка зрения явствует

¹⁷ Ср. традиционно крайне скудное внимание к этому сюжету, например, Bessone 2004, 48–50; Levick 2015, 83–84; Urso 2019, 205–206.

¹⁸ Lewis 1988.

¹⁹ «Гимназическим» исследователям было важно показать, что Цицерон победил Катилину, не нарушая закона.

²⁰ Л. Ланге предполагал, что заседание, описанное в Cic. Mur. 51, имело место 22 сентября; 21 октября состоялось другое (Cic. Cat. I. 7), где был принят senatus consultum ultimum.

из полемики с Л. Ланге, чьи построения, по его мнению, представляют «беззащитную — типичную для “антикваров” — смесь различных, несоизмеримых между собой источников, которым, однако, придано одинаковое значение», а также «пример техники комбинирования» (с. 285). Итальянский ученый несколько раз акцентирует важнейшее положение: источниковая база должна анализироваться в комплексе, а не как волюнтаристически сформированная подборка сообщений без изучения их особенностей и взаимосвязи друг с другом²¹. Сам исследователь принимает в качестве дня выборов 28 октября — дату после объявления *tumultus*. Аргументы содержатся в речах Цицерона, где говорится о руководстве выборами в отсутствие коллеги, а также вооруженной охране, возможной лишь после *senatus consultum ultimum*.

В четвертой части «De consulatu suo как источник» Л. Канфора указывает, что литературная деятельность Цицерона за март—июнь 60 г. до н. э. отражает ситуацию после триумфа Помпея и в преддверии Первого триумvirата. В этой обстановке возврат к апологетическим трудам (две редакции «*Commentarius*»²², поэма, корпус консульских речей) служат средствами контрпропаганды (с. 327). Л. Канфора напоминает, что одновременно замышлялись два труда: Цицерона и Посидония Родосского — «полуофициального историка Помпея» (с. 335), величайшего интеллектуала своего времени. М. Туллий вступал в соперничество с победителем Митридата, считая эллинский мир определяющим в культурном плане и рассчитывая, что греческий язык надежнее гарантирует сочинению долгую жизнь и широкую аудиторию. Латинской редакцией («De consulatu suo»), имевшей более узкую направленность, «Цицерон достиг всех обстановок и кругов, которых ему нужно было достичь» (с. 339). Трудно принять высказываемую мысль, что апологетическое начало в «*Commentarius*» вынужденное (с. 327–328; ср. с. 6, 335–339, 360–361). Нельзя полностью отрицать влияние неблагоприятных обстоятельств, однако приводимые факты больше свидетельствуют о тщеславии Цицерона²³.

Реконструируя содержание «*Commentarius*», Л. Канфора обращается к речи «Против Пизона», биографии Цицерона и корпусу консульских речей. Он прослеживает влияние «*Commentarius*» и других источников на историческую традицию, исходя из полемики в марте 45 г. до н. э. между Цицероном и Брутом (Cic. *Att.* XII. 21. 1). В важных деталях рассказ Саллюстия (Sall. *Cat.* 50–54) совпадает с версией последнего. Четко вырисовывается линия «Катон — Минуций Руф — Брут» versus Цицерон (с. 373), продолженная затем Саллюстием, Веллеем Патеркулом, Тразеей Петом. С этой реконструкцией можно согласиться, внося существенное уточнение. Л. Канфора не довел до логического конца важную мысль: «Цицеронова правда (la sua verità)» (с. 331)²⁴ легла в основу *всего* дальнейшего понимания и трактовки событий 63–62 гг. до н. э. Это обусловлено фиксацией

²¹ Л. Канфора выразил данную мысль термином «бриколаж» (с. 312, 340; ср. с. 266, 272, 285).

²² Мы сохраняем терминологию автора, который имеет в виду под «*Commentarius*» прежде всего написанное по-гречески сочинение. Латинский вариант чаще (но не всегда) фигурирует под именем «De consulatu suo».

²³ Ср. с. 43–56, 196, 232. О (не)состоявшихся прославителях М. Туллия см. Bugaeva 2018.

²⁴ Ср. с. 150 о двух правдах — Катилины и Курия (*verità di Curio <...> contro la verità di Catilina*); с. 170 о «правде» Красса («*verità di Crasso*»); с. 209 о правде Цезаря (*la sua verità*).

в официальных документах, когда консульская версия сделалась частью политического дискурса Поздней республики. Упрощая ситуацию, можно сказать, что наличие общей подосновы делает не столь различными между собой Саллюстия, Веллея, Плутарха, Флора и др. Все они – безотносительно симпатии или антипатии к Цицерону – верны официальной реконструкции событийной канвы и принимают официальную оценку происшедшего (резня и поджоги).

Эпилог носит название «По пути к цезаризму». Здесь рассмотрен текст XXXVI и XXXVII книг «Римской истории» Диона Кассия, где характеризуется «поведение четырех протагонистов кризиса 63 г.»: Помпея, Цезаря, Катона и Цицерона (с. 382).

В монографии имеются три приложения, посвященные частным источниковедческим или историографическим вопросам. Л. Канфора приводит краткий экскурс в историю полемики о подлинности речей Цицерона, полагая, что в случае с Четвертой Катилинарией надо говорить не об аутентичности или фальсификации, но о расхождении между произнесенной и изданной позже речью. Вариант, который мы сейчас читаем, составлен из импровизированных (должным образом расширенных) выступлений Цицерона в дискуссии; текст отражает проблемы и душевные переживания весны 60 г. до н. э. В «Поучительном дополнении» рассматриваются причины оппозиции к точке зрения Друмана–Моммзена (выборы намечены на 21 и отложены на 28 октября). Л. Канфора считает первую волну критики «в сущности “гимназической”»; следующую (после II мировой войны) – в значительной мере воодушевленной антимоммзеновским снобизмом (с. 319).

Труд итальянского ученого написан на очень высоком научном уровне. В то же время многое роднит его с научно-популярным изданием. Прежде всего форма изложения: книга поделена на многочисленные главы и параграфы; названия смысловых частей художественны, страницы не обременены тяжеловесными ссылками. Монография издана так, чтобы не отпугнуть читателя: большие отступы между подразделами, намеренно оставленные пустые или полупустые страницы. Красочность повествования и заостренность некоторых формулировок преследуют цель завоевать широкую аудиторию.

Упрощенный ссылочный аппарат не является обязательным атрибутом научно-популярной работы, хотя подобный жанр допускает отступ от жестких требований. Применительно к монографии Л. Канфоры можно говорить о продуманном и обоснованном авторском подходе. Ученый скрупулезно работает с античной традицией, неизменно подтверждает свои гипотезы ссылками, пусть и не приводя все аналогии. Что же касается научной литературы Нового и Новейшего времени, в книге наблюдается важная закономерность. Л. Канфора часто обращается к критическим и комментированным изданиям источников – особому научному жанру. В прочих случаях наибольшее количество ссылок (порядка 250) приходится на труды, выпущенные до 1900 года; интервал 1901–1950 гг. дает около 140 ссылок; период 1976–2025 гг. – 92 ссылки (помимо самоцитирования). Предпочитаемыми исследователями являются Т. Моммзен (более 70 ссылок), В. Друман (более 20), Фр. Мюнцер и коллектив *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* (более 20). С англоязычной литературой последней четверти XX – начала XXI века Л. Канфора преимущественно спорит по частному вопросу

даты выборов. Таким образом, итальянский исследователь прочно базируется на немецкой классической науке XIX века и ее наследии. Любопытно провести параллель со взглядами Ии Леонидовны Маяк, осуждавшей погоню за новым ради нового, закрепление приоритета за последним сказавшим и не принимавшей моду на огромное количество ссылок — якобы безусловный показатель качества. И.Л. Маяк роднит с Л. Канфорой такая черта, как высочайшее почтение (если не сказать благоговение) к немецкому классическому антиковедению, доходящее почти до культа Моммзена, и скепсис по отношению к англосаксонской науке. Итальянский ученый весьма иронично высказывается в адрес коллег, упрекая их в нежелании должным образом работать с историографией²⁵ и преодолевать лингвистические барьеры²⁶.

Вышесказанное дает ключ к пониманию взгляда на русскоязычную научную литературу²⁷. Л. Канфора пишет: «Реконструкция Друмана—Моммзена <...> вышла в “маргинальных”, или рассматриваемых как таковые, областях (in aree “marginali” o considerate tali): например, в советской историографии (storiografia sovietica) (на которую очень повлияла немецкая традиция)» (с. 319). Тем не менее ученый дважды сослался на итальянский перевод «Истории Рима» С.И. Ковалева (с. 93, прим. 53; с. 94, прим. 54), провел аналогию между финалом «О заговоре Катилины» и романом Л.Н. Толстого «Война и мир» (с. 206, прим. 45)²⁸.

²⁵ «Не стоит вспоминать здесь о недавно писавших англосаксонских ученых (recenti studiosi anglosassoni), которые собирают бриколаж (bricolage) из сочинений предшествующих авторов, обладавших комплексной и, возможно, недостижимой эрудицией. Эти не утруждают себя изучением (всей историографии, в том числе различных изданий книги. — Н. Б.), а потому «выуживают» одну дату <...> и представляют ее в качестве достоверной» (с. 312).

²⁶ «Вспомним, наконец, комментарий Элейн Фантам (2013) к “За Мурену”; здесь сомнениям вовсе нет места <...>, библиография (с. 219—224) присутствует только на английском (кроме Otto, Sprichwörter der Römer, и — даже не пролистав этот труд — автор ошибается в месте издания!). Так автор обретает иммунитет к риску усложнять то, в чем уверена (si immunizza dal rischio di complicare le sue certezze), читая написанное по-немецки, по-французски или даже по-итальянски. И в любом случае она застраховывается от опасности читать великие труды XIX века, а также написанное за первые 70 лет XX в. Для Элейн Фантам исследование вопроса началось с 1971 г.» (с. 313).

²⁷ Мы включаем в это понятие как дореволюционные, так и советские и постсоветские труды. В отличие от монографии белорусского исследователя Г.М. Лившица (Livshits 1960), сюда не относится, например, книга Э. фон Штерна (von Stern 1883).

²⁸ Предпочтение, оказанное учебнику С.И. Ковалева (учитывая, что на итальянский были переведены «Цицерон и его время» С.Л. Утченко и «Принципат Августа» Н.А. Машкина), удивляет лишь на первый взгляд. Ссылки носят непринципиальный характер: Л. Канфора обращается к советскому ученому в качестве дополнения к точке зрения антицицеронианцев К. Маркези и Л. Парети, т. е. С.И. Ковалев интересовал его лишь как представитель «маргинального течения». Более осторожные и взвешенные суждения С.Л. Утченко и Н.А. Машкина закономерно не получили отражения в силу отказа от составления полной историографии вопроса. С точки зрения русского читателя, подобная выборочность ссылок несет скорее вред, чем пользу. Ср. критику Л. Канфорой М. Гельцера за ссылку всего на две итальянские работы: «Цицерон и его время» Э. Чачери и статью Джини Де Бенедетти — «ничем больше не известного и ничего больше не написавшего итальянского автора», чья работа опубликована в «замшелом журнале (una rivista patinata), балансирующем между просветительством и наукой» (с. 314).

Необходимо согласиться с исходным посылом: при анализе деятельности Катилины источниковедение выходит на передний план, а история изучения может быть написана увлекательнейшим образом. Все же, на наш взгляд, у Л. Канфора не получилось добиться органичного соединения трех линий. Порой источниковедческий и/или историографический аспект доминирует над изучением событий, как следствие грандиозности замысла. Не оправдывает себя структура повествования с рассредоточением материала по разным частям; наиболее яркий пример — вынесение «*De consulatu suo*» в четвертый раздел и недооценка его значимости.

Монография «Катилина. Несостоявшаяся революция» поднимает важную проблему зависимости исследователя от источников. Еще раз отметим диспропорцию в рассказе о перипетиях 63–62 гг. до н. э., когда излишне много места уделяется таким аспектам, как анонимные письма и несостоявшееся покушение на Цицерона (с. 130–152), перенос консульских выборов (вкуче с углубленным изучением историографии вопроса) (с. 218–314), активность Семпронии (с. 96–106). Все это красочно изображено античной традицией, очень притягательно и крайне спорно. Мы скептически относимся к участию в заговоре женщин; эпизод с письмами, полезный для рассмотрения в контексте закулисных действий Цицерона, остается эпизодом; попытки убить консула — чистая инсинуация, пущенная в ход беспринципным политиком. Точная дата очередной неудачи Катилины-кандидата важна для понимания мощи возглавляемого им движения, социальной базы, тактики противоборствующих сторон, самопрезентации их лидеров. Красноречие Цицерона и писательский талант Саллюстия уведут исследование в сторону от трудоемкой задачи — проанализировать социальную базу движения во всей ее полноте и сложности. Л. Канфора сознательно ограничился неполным решением проблемы. Он убедительно показал, что консульские выборы 63 г. до н. э. пришлось на 28 октября, рассмотрел тактику Катилины и контрмеры правительства. Итальянский ученый сконцентрировал внимание на высших политических кругах и на «катилинарском мире» — питательной среде заговора, в разной степени причастной к его реализации. Фактически вне поля зрения оказались люди более низкого общественного статуса, в том числе за пределами столицы²⁹.

Таким образом, книга представляет собой ценную, хотя и дискуссионную научную монографию. Она очень полезна с историографической точки зрения, в значительной степени — с источниковедческой. Уже давно мы не встречались со столь вдумчивой работой со сложным нарративом, когда источниковедение является важнейшим звеном в системе доказательств. Достаточно спорная вторая часть не является исчерпывающим исследованием, здесь допущены существенные ошибки в интерпретации фактов, хотя автор скрупулезно воссоздал событийную канву. В свое время было замечено, что русская классическая литература не отвечает на вопросы, но правильно задает их. Допустимо применить эту

²⁹ Л. Канфора приводит общую и краткую информацию о долговой проблеме и охваченных волнениями территориях (с. 7, 34, 36, 80–81, 161–162, 237), о рабах (с. 89–90). Наибольшее внимание отведено городскому плебсу (с. 84–87) и полемике с со статьей Ц. Явеча (Yavetz 1963). Далее анализируется не столько поведение римского простонародья, сколько рассказ об этом Саллюстия (с. 86–87).

формулировку к тем страницам, где Л. Канфора анализирует непосредственно политическую деятельность Катилины.

Литература / References

- Bessone, L. 2004: *Le congiure di Catilina*. Padova.
- Bugaeva, N.V. 2005: [Did Women Participate in Catiline's Conspiracy?]. In: I.A. Gvozdeva, A.A. Nemirovskiy (eds.), *Drevniy Vostok i antichnyy mir [Ancient East and the Ancient World]*. Vol. VII. Moscow, 112–119.
- Бугаева, Н.В. Участвовали ли женщины в заговоре Катилины? В сб.: И.А. Гвоздева, А.А. Немировский (отв. ред.), *Древний Восток и античный мир*. Т. 7. М., 112–119.
- Bugaeva, N.V. 2006: [The Ancient Historical Traditional Interpretation of the Attempt of Catilinarian Plotters' Liberation]. In: S.Yu. Monakhov (ed.), *Antichnyy mir i arkheologiya [Ancient World and Archaeology]*. Issue 12. Saratov, 187–197.
- Бугаева, Н.В. Античная историческая традиция о попытке освобождения сторонников Катилины. В сб.: С.Ю. Монахов (отв. ред.), *Античный мир и археология. Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. 12. Саратов, 187–197.
- Bugaeva, N.V. 2018: [A Character in Search of Authors: Three Unwritten Works about Cicero's Consulship]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 78/3, 561–581.
- Бугаева, Н.В. Персонаж в поисках авторов: три ненаписанных сочинения о консульстве Цицерона. *ВДИ* 78/3, 561–581.
- Cadoux, T. 1980: Sallust and Sempronius. In: B. Marshall (ed.), *Vindex Humanitatis: Essays in Honour of John Huntly Bishop*. Armidale, 93–122.
- Fezzi, L. 2010: Documenti e falsi documentari nel I sec. A.C.: il caso della congiura di Catilina. In: P. Castelli, S. Geruzzi (a cura di), *Prima e dopo le Tavole Eugubine: falsi e copie fra tradizione antiquaria e rivisitazioni dell'antico*. Pisa, 87–95.
- Gabba, E. 1961: Cicerone e la falsificazione dei senatoconsulti. *Studi Classici e Orientali* 10, 89–96.
- Levick, B. 2015: *Catiline*. London.
- Lewis, R.G. 1988: Inscriptions of Amiternum and Catiline's Last Stand. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 74, 31–42.
- Livshits, G.M. 1960: *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rime 60-ch gg. I v. do n.e. i zagovor Katiliny [Social and Political Struggle in Rome in the 60s of the First Century BC and the Conspiracy of Catiline]*. Minsk.
- Лившиц, Г.М. Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н.э. и заговор Катилины. Минск.
- Moreau, Ph. 1987: La Lex Clodia sur le bannissement de Cicéron. *Athenaeum* 65, 465–492.
- Pagán, V.E. 2004: *Conspiracy Narratives in Roman History*. Austin.
- Stern, E. von 1883: *Catilina und die Parteikämpfe in Rom der Jahre 66–63*. Dorpat.
- Urso, G. 2019: *Catilina. Le faux populiste*. (Ausonius Scripta Antiqua, 129). Bordeaux.
- Wilkins, A.T. 1994: *Villain or Hero. Sallust's Portrayal of Catiline*. New York.
- Williams, K.F. 2000: Manlius' mandata: Sallust *Bellum Catilinae* 33. *Classical Philology* 95, 160–171.
- Yavetz, Z. 1963: The Failure of Catiline's Conspiracy. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 12/4, 485–499.

Natalia V. Bugaeva,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: cethegilla@gmail.com

ORCID: 0009-0006-7416-2186

Н.В. Бугаева,

к.и.н., доцент
кафедры истории древнего мира
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия